

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ РИСКОВЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИТУАЦИЙ

Исследуются архетипические особенности рисковенных социокультурных коллизий. Конструируется синергетическая модель поведения человека в переходные периоды культурогенеза. Рассматриваются переходные режимы функционирования матриц сознания представителей культуры.

Ключевые слова:

архетип, аттрактор, бифуркационный переход, бифуркационный режим, бифуркация, коллективное бессознательное, кризис, матрица сознания, психосфера, рисковенная ситуация, синергетика.

Культура постиндустриальной эпохи, как и любая другая, ставит перед человеком определенные условия. Если в древности ситуации риска разрешались, как правило, коллективно, то в современности решение таких ситуаций переходит, как и многое другое, в план личностного переживания. Проблема риска связана с возможностью панических состояний, а, следовательно, и с активацией архетипических содержаний.

Проживая за очень короткий срок несколько разных эпох, человек современности достаточно часто сталкивается с риском возникновения кризиса мировоззрения; кризисное состояние становится циклическим, о чем свидетельствуют термины, внедряемые в лексикон современного обывателя через средства массовой информации (напр., «циклический финансовый кризис»). Культурология едва ли учитывала в поле своего исследования воздействие Великой Депрессии на культуру соответствующего ей периода, но если мы столкнемся с затяжным кризисным состоянием не только в экономике, но и в культуре, то это может спровоцировать кризис цивилизации в целом.

В любом кризисном состоянии от человека требуется мобилизация резервов. В состоянии паники, когда сознательный контроль ситуации становится невозможным, активизируются инстинктивные векторные силы, весь путь человеческого бессознательного, архетипические паттерны. Таким образом, поведение в ситуации риска или кризиса может быть понято посредством обращения к архетипам. При анализе архетипических мотивов рисковенных ситуаций мы будем обращаться к теории синергетики. Это, на наш взгляд, позволит наилучшим образом предста-

вить работу сознания и его архетипических корней.

Каждый архетип характеризуется своим особым методом реализации, через который он связан с определенным культурным содержанием. Так, к примеру, архетип Великой Матери будет соответствовать сакральным содержаниям [8, с. 2–28]; Трикстера или Тень скорее всего можно будет встретить «на границе дозволенного» [9, с. 338–356]; Героя – в авангарде противостояния кризису [4, с. 325–335]: духовному, культурному. «Выбор» адекватного конкретной ситуации архетипа происходит на бессознательном уровне практически мгновенно по резонансному принципу, то есть наиболее действенной будет та архетипическая матрица, структура действия которой наиболее близка структуре ситуации.

Используя синергетический подход к исследованию феномена человеческого восприятия нематериальных содержаний культуры, можно описывать различные феномены семио- и психосферы с точки зрения их соответствия какой-либо синергетической модели: предельному циклу, тору или странному аттрактору. Предельный цикл, соотносимый с представлением об упорядоченном движении, и тор, n -мерное инвариантное множество, топологически эквивалентное бублику, являются простыми аттракторами. Так называемые странные аттракторы (т.е. сложные) соответствуют динамике хаотического движения (напр., турбулентности) [1, с. 17–22]. Так, например, механизм формирования предпочтений – в музыке, живописи, литературе – заключается в том, что человек выбирает те произведения, которые будут иметь наибольший резонанс с синергетической моделью его матрицы сознания.

Под матрицей сознания мы подразумеваем совокупность всех режимов функционирования сознания представителей конкретной культуры; эти режимы могут быть представлены в синергетических моделях. Матрица сознания не есть само сознание, она укоренена в бессознательной сфере. Это понятие вполне может находиться в русле синергетических представлений, поскольку отчасти снимает дихотомию между сознанием и бессознательным.

Матрица сознания изначально является синтагмой, призванной отразить родство сознательной и бессознательной психических сфер. Традиционный подход к сознанию и бессознательному наделяет эти две сферы качеством бинарных оппозиций, что, на наш взгляд, не всегда бывает обоснованным. По утверждению К.Г. Юнга, сознание, во-первых, является продуктом бессознательного, а, во-вторых, оказавшись изолированным от бессознательной сферы, что происходит при традиционном подходе, оно становится абсолютно беспомощным перед его самостоятельным и спонтанным проявлением. Иногда делаются попытки сгладить эту дихотомию психических сфер путем введения понятия подсознания, но такая конструкция не всегда может представляться удовлетворительной, поскольку непонятно: что именно перед нами – отдельная психическая сфера, или архетип Тени, наделенный качеством таковой. Мы хотим предложить свой взгляд на решение этой проблемы, попытавшись построить несколько иную модель психосферы. Хотелось бы сразу отметить, что мы отнюдь не утверждаем ошибочности традиционного подхода, но лишь указываем на то, что он в определенной степени стандартизирует структуру психосферы в соответствии с логикой дихотомий. Он, безусловно, является основой для классификации элементов, но нам хотелось бы обратить внимание на средний пласт явлений психосферы.

Определение матрицы сознания происходит из следующих установок:

1. Каждой конкретной ситуации соответствует определенный тип поведения, базирующийся на архетипической основе.

2. Каждый архетип актуализируется системой действий.

3. Каждому типу поведения соответствует определенная синергетическая модель.

Матрица сознания есть архетипический корень сознания, не «произрастаю-

щий» из какого-то конкретного архетипа, а несущий на себе отпечаток каждого из них. Матрица сознания не должна быть соотносена с собственной средой коллективного бессознательного, которое с синергетических позиций может соответствовать так называемому «консервативному» хаосу. Последний отличается самой высокой степенью хаотичности и большой фрактальной размерностью, дробная часть которой стремится к единице [3].

На основе вышеказанного можно предложить классификацию типов восприятия по принципу соответствия последнего различным резонансным состояниям: периодический, соответствующий предельным циклам (в культуре он может соответствовать нормам); квазипериодический, основой которого выступает фигура, называемая тором (контаминирует обычаям); хаотический, образующий фигуры так называемых странных аттракторов (в культурной сфере его аналогом является феномен традиции). Соответственно характеризуются и основные режимы функционирования различных матриц сознания.

Кроме того, существует так называемый «переходный» режим функционирования сознания – рассматриваем ли мы оное как таковое или говорим, в частности, о сознании представителей конкретной культуры. Этот режим характеризуется частыми переходами от одного типа резонанса к другому – в смысловых реальностях культуры такими свойствами отмечена фигура Трикстера. Такой режим мы условно могли бы определить как бифуркационный, поскольку по своей природе он оказывается наиболее близким коллективному бессознательному, которое, несмотря на свою инертность, очень часто демонстрирует мгновенные переходы и бифуркации (разветвления траекторий движения системы) [6]. Тогда сознание, функционирующее в таком режиме, будет не просто наиболее лабильно, но и будет иметь еще более сложную структуру, чем хаотический режим функционирования, – как в случае психической организации, так и в системе культуры. Но это справедливо только в отношении устойчивого бифуркационного режима. Поскольку в противном случае: при случайном его появлении, когда он не может быть взят под осознанный контроль (чаще всего в силу непривычности, большего объема потока), возникает рискованная ситуация, прекрасно соответствующая известной пушкинской

характеристике: «русский бунт – бессмысленный и беспощадный». То же самое можно сказать и в отношении использования архетипического конструкта. Бесконтрольное его проявление чревато крайне негативными последствиями, в то время как последовательное обращение к нему с целью интеграции с сознанием, при должном контролирующем и анализирующем подходе, может иметь благоприятный результат, способствуя образованию архетипа Самости.

Рассмотрим варианты бифуркационных переходов от одного резонанса к другому, в частности, в ситуации риска. Выделим два типа таких переходов на основании способности оперировать имеющимися знаниями, навыками, информацией. Отметим, что в этом случае мы рассматриваем ситуацию культурной среды, в которой общая структура матрицы сознания остается постоянной.

Первый тип бифуркационного перехода – это изменение мировоззрения. Такой тип перехода, скорее всего, будет соответствовать ситуации кризиса, поскольку в ней система тяготеет к сохранению энергии, вследствие чего становится более закрытой. Этому виду перехода будут сродни процессы самоорганизации. Вообразим, что в сознании субъекта культуры имеется некоторый комплекс представлений, определенным образом связанный со всем остальным содержанием сознательной сферы и способный перемещаться в этом содержании из одной его области в другую. То есть, мы говорим о своеобразном фильтре восприятия. Он соответствует определенному набору представлений человека о себе самом, которые, впрочем, могут не совпадать с действительным положением дел. Так, человек считает себя верующим, исполняет соответствующие религиозные обряды, но в действительности все это может оказаться фикцией, игрой, даже PR-приемом. Это же относится и к попыткам внести традиции указом сверху. Подобное несоответствие представлений действиям является и свойством контркультуры, когда люди считают себя приверженцами Традиции, но на самом деле они ее разрушают. Даже память, лишь до определенной степени послушная воле, может исказиться под воздействием данного комплекса представлений.

Такой пласт представлений тем или иным образом должен взаимодействовать с возникающим в сознании и встраиваемым в картину мира новым информа-

ционным содержанием. Но, в силу своей новизны, эти данные могут быть «захвачены» только частью фильтрационного комплекса, то есть оперирование новой информацией возможно в рискогенных ситуациях только частично, до тех пор, пока не произойдет наложение фильтрационного комплекса на новое информационное содержание. Такое наложение не обязательно должно быть полным, поскольку новая информация может возникнуть не локально, как при обычном процессе познания, обучения, а в виде сетевых структур, которые и будут возникать именно в рассматриваемом случае изменения мировоззрения. А именно, мы говорим о том моменте, когда культурный автостереотип перестает быть единственно возможным мотивом в самоопределении представителей некоторой социокультурной общности, и наравне с ним в картину мира входит также некий гетеростереотип. Для такого типа перехода в архетипическом ключе, возможно, будет характерен топ «Спящего Героя», когда аккумулируются силы для финальной встречи с хаосом.

Второй вид бифуркационного перехода является сознательным и целенаправленным оперированием уже известной информацией. Поскольку здесь рассматривается вариант, когда система становится наиболее открытой внешнему миру, то данный тип перехода чаще будет проявляться в рискогенные моменты [7, с. 46-49]. Например, в процессе научного творчества. В этом случае фильтрационный комплекс представлений на короткое время как бы «отрывается» от информационного пространства и «рассматривает» горизонт вероятности своего применения. После чего он снова встраивается в изначальную (либо в соседнюю) область информационно-культурного содержания, но уже с новым конструктом виртуального характера. Такой конструкт может быть выработан безотносительно имеющегося содержания (и в таком случае мы можем говорить об интуитивных проявлениях) или может привноситься в имеющееся в данной области содержание значения из других областей, прямо не соприкасающихся с изначальным. Таким образом, второй случай иллюстрирует процесс обнаружения междисциплинарных научных связей, а также межкультурное взаимодействие, особенно на порах его первичного установления. В случае перехода второго типа наиболее активными, скорее всего, будут архетипы Духа и Трикстера.

По качеству резонансов мы сможем определить, на каком уровне функционирует сознание представителя какой-либо культуры: более простым, предусматривающем большую концентрацию на некотором объекте, но часто исключающем креативный подход; или более сложном, свидетельствующем о большей способности к творческому осмыслению и интерпретации действительности, но чаще первого склонном к переходным состояниям в рискованных ситуациях. Так, например, процесс мышления человека западной культуры начала XX в. вполне может быть описан с помощью простых аттракторов. Это обусловлено господствовавшим тогда представлением о мире, которое базировалось на ньютоновском подходе и исключало из бытия феномен нестабильности, представляя природу инертным объектом человеческих желаний [7, с. 50–52].

Здесь, впрочем, есть такой нюанс. Простой аттрактор в виде предельного цикла соответствует, как упоминалось ранее, упорядоченным колебаниям, постоянным возвратам (если можно так выразиться): не может ли это являться свидетельством шизоидности сознания с такой матрицей? Наличие предельного цикла или тора в матрице сознания представителя культуры, равно как и постоянных бифуркаций, не обязательно говорит о шизофренических состояниях, но появление тора непосредственно в сознании скорее всего свидетельствует о некоторой заикленности на какой-либо идее. В таком случае возможно определение типа психосферы культуры, в которой преобладает тот или иной тип сознания, по аналогии с психотипами. В некотором смысле эта идея может напомнить шизоанализ, но главным разногласием будет то, что мы рассматриваем структуры психосферы прежде всего как процессы, но не как механизированные агрегаты.

Утверждение, что наличие тора в сознании не является непременным свидетельством шизофрении, основано на том, что у системы в периодическом режиме функционирования энергообмен с внешним миром будет гораздо менее эффективен. Таким образом, мы можем предположить, что принципиальная возможность существования торов в сознании человека (сразу отметим, кратковременного существования) дает ему возможность сосредоточиться на чем-либо, то есть делать систему сознания менее открытой на некоторое время. Таким образом, выстраивается мо-

дель переходного режима: когда в хаотическом состоянии рискованных ситуаций разбег траекторий аттрактора угрожает смене одного из приоритетных направлений, сохранение которого в данном конкретном случае представляется важным, то в системе на короткое время (возможно, на доли секунды) возникает тор, который сдерживает изменение магистральных путей развития аттрактора. Так, например, традиционная культура по сравнению с современной более склонна к сдерживанию изменений, культура же Новейшего времени чаще меняет магистральные направления в аттракторах своих структур. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что основой бифуркационного режима функционирования является хаотический режим, который, впрочем, обладает способностью удерживать свои магистральные направления путем вызывания кратковременных квазипериодических резонансов. Это также подтверждает нашу догадку о том, что сила воли в фазовом пространстве тоже будет иметь структуру тора. В сказках часто подчеркивается важность такого качества: в момент, когда Герой должен проходить испытания (например, бодрствовать определенное время). Таким образом, архетипический Герой должен обладать способностью к моделированию простых аттракторов. А это, в свою очередь, служит доказательством того, что наличие тора в сознательной сфере культуры не может с неизбежностью свидетельствовать о ее шизоидности.

Здесь мы должны сделать некоторое отступление от рассмотрения феномена сознания. Квазипериодический режим функционирования, о котором говорилось в предыдущем абзаце, будет свойственен также и архетипам, то есть бессознательным интенциям культуры, в силу того, что они обладают, по словам К.Г. Юнга, свойством взаимозаменяемости, но, тем не менее, нуждаются в сохранении своих собственных структурных особенностей, чтобы у человека не возникало односторонней реакции. При бифуркационных режимах функционирования рискованных ситуаций создаются условия для активизации архетипов, оказывающих мощное воздействие на процессы, протекающие в сознательной сфере культуры, а, следовательно, влияют и на поведение конкретного человека. Такая активация может осознаваться, но уже постфактум; также при условии минимального конфликта между собственными архетипическими содержа-

ниями как отдельного человека, так и всей культуры, такая инвазия будет куда менее болезненной – здесь можно говорить об особенностях современной социокультурной ситуации, которая отмечена так называемым «столкновением архетипов» [5, с. 108–145]. Это свойство подобных вторжений бессознательного в указанном случае обусловлено тем, что переходные режимы раздвигают границы человеческого восприятия и нормального функционирования матрицы сознания. Мы говорим, будто человеку станет казаться нормальным то, что на самом деле является патогенным. Мы имеем в виду сохранение способности к нормальной функциональности в таких условиях, в которых при более простых режимах матрица сознания начинает сбивать – например, на новом частотном отрезке, при смене исторических эпох.

Возможно, из всех рассмотренных переходный режим в рискованных ситуациях более всего способствует образованию Самости – целостной личности, имеющей наиболее полное представление о самой себе как о реальной, но не как о воображаемой. Как говорил К.Г. Юнг, небольшие потрясения полезны для души – от них она становится здоровее. Из всего вышесказанного мы можем заключить, что переходные режимы функционирования свойственны личности или субъекту культуры, способному мысленно конструировать ситуации и предвидеть их возможные особенности, которые могут иметь место в будущем. Бифуркационные режимы приближают сознательную сферу к теневым содержаниям, что при благоприятном положении способствует появлению ответственности за них.

При переживании нескольких «эпох» за короткий исторический интервал (т. е. при переживании длительной рискованной ситуации), сопоставимый теперь с некоторым этапом в человеческой жизни, человек, сознание которого склонно к работе в переходном режиме, сможет быстрее принять новые условия в качестве жизненных.

Человек индустриальной цивилизации – это человек, обладающий, по меньшей мере, чувством личной ответственности. Это человек Традиции, которому не чужды принципы Просветительства, которые он, тем не менее, не ставит во главу угла своей деятельности. Когда консолидирующие силы культуры, ее сакральные смыслы перестают быть хранимы прежними смысловыми формами,

теряющими в итоге свое центральное положение, и на их место приходят силы центробежные, то, чтобы избежать распада, культура задействует резервы своих структур по максимуму. Так появляется Новый Трикстер, Тень посткнижной культуры – Традиция. Традиционные семио-конструкты Великой Матери и Трикстера меняются местами. Первая, с одной стороны, покидает сакральный центр, но, с другой – все сакральные содержания уносит с собой. Трикстер оказывается в самом центре смысловых реалий культуры, но в то же время его положение подобно тому, в котором оказался Наполеон, захвативший спаленную дотла Москву. Чтобы быть настоящим Героем сегодня, мало быть бунтарем, мало даже просто встретить Тень, что укажет на Дверь, – необходимо не только самому не бояться шагнуть в будущее, но надеясь при этом на какое бы то ни было продолжение прошлого: нужно взять Тень с собой и не расставаться с ней больше никогда. Это одна из типичных сказочных ситуаций, описывающая способность субъекта к внутренней согласованности.

Как известно, сказки всех народов мира представляют собой психотерапевтические модели разрешения кризисных состояний души. К сожалению, в современной культуре утрачивается действенное начало народных сказок: для того, чтобы задействовать резервы, человеку необходимо отождествить себя с каким-нибудь архетипическим образом, персонажем. То есть, такой образ должен нести не только определенное символическое значение, но должен еще и эмоционально переживаться. Современным подросткам в этом плане гораздо ближе будет образ Бэтмена или трансформера, чем Ивана-царевича, и со временем эта ситуация вряд ли изменится. Современные фильмы фантастического жанра не являются сказками как таковыми, но представляют собой их аналоги. Одна из основных проблем современности – отсутствие единого символически-смыслового поля. О стремлении его создать свидетельствуют различные так называемые кроссоверы – фильмы, соединяющие сюжетные линии двух разных кинокартин. Нам нужны новые сказки, но написать их должны мы сами, каждый из нас. В этом и заключается рискованность ситуации, когда каждый отдельный человек будет фактически вынужден искать свой внутренний стержень без посторонней помощи. С другой стороны, при конс-

трировании такого единого смыслового пространства нельзя ждать немедленных результатов: ведь коллективное бессознательное слишком инертно. Придется ждать отдачи в течение очень долгого времени (возможно, для ее реализации потребуется не одно поколение).

Чем меньше в человеческой душе конфликтов, противоречий между его собственными архетипическими содержаниями, тем более вероятным будет благоприятное разрешение рискогенной кризисной ситуации при прочих равных условиях. Современность же, по сравнению с эпохой Традиции, такой внутренней согласованностью не отличается и по-сему способствует образованию у людей

чувства отчуждения, с которым, впрочем, можно справиться даже в одиночку. В традиционной культуре каждый отдельный человек был ответственен за порядок вещей во Вселенной: он сохранялся посредством строгого соблюдения обычаев, ритуалов. То же свойство может обрести и современная культура, в том случае, если будет произведен перевод ответственности из сугубо государственного плана в личностный. Тогда архетип Великой Матери снова обретет свое центральное положение в семиосфере и восстановит свои функции. Варианты дальнейшего развития современной рискогенной социокультурной ситуации находятся еще только в становлении.

Список литературы

1. Афанасьева В.В. Детерминированный хаос: от физики к философии. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 216 с.
2. Вдовушкина Н.С. Музыка и психика: гипотеза резонансных состояний // Жизнь: бытийственный, ценностный и антропологический аспекты: Сб. ст. молодых ученых / Под ред. С.М. Малкиной. – Саратов, 2008. – 348 с.
3. Заславский Г.М. Стохастичность динамических систем. – М.: Наука, 1984. – 272 с.
4. Кэмпбел Дж. Герой с тысячами лицами. – Киев: «София», Ltd, 1997. – 336 с.
5. Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития / Под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов.: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 168 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1994. – 272 с.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991, № 6. – С. 46 – 57.
8. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: учебное пособие. – М.: Гардарики, 1998. – 400 с.
9. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.; Киев: Совершенство – Port-Royal, 1997. – 384 с.